УДК 371

КОГТИСТЫЙ ЗВЕРЬ, СКРЕБУЩИЙ сердце, совесть… О сути, целях и задачах воспитания

Евгений Ямбург,
академик РАО, директор школы № 109, доктор педагогических наук, Москва

Нам, как аппендицит, поудаляли стыд.
Андрей Вознесенский

Каким может быть воспитание и на чём строится. Об этом — статья.

• *развитие человека* • *безличностное воспитание* • *детская память* • *культура* • *самовоспитание, стратегия воспитания*

Начнём сначала?

Когтистый зверь, скребущий сердце даже пушкинскому Скупому рыцарю, имел обыкновение появляться внезапно и навязывать темы для бесед: «Незваный гость, докучный собеседник...»

С подачи этого незваного собеседника речь пойдёт о сути и целях воспитания.

О воспитании и развитии человека написаны сотни тысяч томов с древнейших времён до наших дней. Сам процесс

формирования ребёнка обогащён разнообразнейшими педагогическими практиками, которые обкатывались веками. Почему приходится всё начинать сначала? Что изменилось в новом тысячелетии? Всё!

На духовном теле воспитания не осталось ни одного живого места

Судите сами. На осколки рассыпались все социальные, индивидуалистические и постиндивидуалистические построения, на которые в давнем и недавнем прошлом пыталось опереться воспитание.

Религиозная вера? Но она при определённых условиях легко оборачивается фанатизмом и ненавистью к иноверцам. Войны и революции XX века окончательно подорвали веру в существование предопределённых Богом абсолютов. После того, что случилось, не осталось веры ни в постулаты какой-либо религии, ни в иной абсолютный принцип. («Звёздное небо над головой и нравственный закон внутри нас», — Кант.)

Надежда на революционные преобразования, путём которых возможно построение справедливого общества? Нам ли не знать, к каким кровавым результатам ведёт эта дорога. Растоптанной оказалась мечта о том, что мир может измениться к лучшему. Взамен пришло мрачное осознание неискоренимости социального зла.

Опора на либерально-демократические ценности свободы, повсеместное принятие которых приведёт к утверждению диалога как единственного достойного способа существования человечества? Но люди в большинстве своём легко поступались и поступаются свободой во имя безопасности, а надёжной гарантией безопасности полагают силовое доминирование.

Сциентизм, представляющий научное познание наивысшей культурной ценностью и основополагающим фактором взаимодействия человека с миром? Увы, в постиндустриальную эпоху, когда царит экспансия информационных технологий, человек становится лишь набором данных — биологических, социальных и прочих. Так его воспринимает государство. Но главное, что таковым он и предстаёт в собственных глазах. Ну и где, спрашивается, при таком рациональном подходе остаётся место личности с её неповторимой индивидуальностью?

Катастрофа индивидуального человека

Между тем безличностное воспитание — это оксюморон, нечто вроде несолёной соли. Воспитание было, есть и останется воспитанием личности.

Так в каких же копях добывать соль земли? Так Спаситель именовал учеников, что призваны были спасать человечество от помрачения. Помрачение век от века принимает разные формы. Нынешнее помутнение сознания имеет глубокие причины. В его основе глубочайшая неизжитая историческая травма, которую нанёс людям истекший XX век с его потоками пролившейся крови.

Столетие, где устрашающие практики репрессий и тотального террора привели людей к стремлению выжить любой ценой, спасая родных и близких. Наиболее стойкие поборники высокой морали поэтапно сжигались в исторической топке. Из несгибаемых интеллигентов уцелели единицы. Выжившие пошли на компромиссы, сдавшись на милость оскотинившемуся большинству. Внешние исторические обстоятельства (сталинский и гитлеровский террор, условия военного времени) оказались неизмеримо сильнее индивидуального человека, лишая его опоры на моральный абсолют, склоняя на ежедневное бытовое поведение, несовместимое с понятием «человек».

Люди, способные к рефлексии, до конца не потерявшие человеческий облик (непосредственно не участвовавшие в репрессиях,

не писавшие доносов), всё равно испытывали чувства вины, стыда и раскаяния за зоологический страх, конформистское поведение и оцепенение перед силами зла. Давящий страх и ужас перед непобедимыми обстоятельствами не исчезли у наших людей и после войны, поскольку репрессивная машина заработала в послевоенные годы с удвоенной силой.

«Глухонемая эпоха» (метафора О. Берггольц) не позволяла избавиться от этого давящего психического синдрома. Уникальным историческим документом, фиксирующим это длящееся десятилетиями состояние, был «Запретный дневник» Ольги Берггольц, опубликованный полностью только в 2011 году. Помимо прочего ценность этого исторического документа заключается в том, что он принадлежит не человеку дореволюционной культуры, сформировавшемуся на почве гуманистической культуры, но представителю так называемой новой интеллигенции, взращенной на дрожжах коммунистической утопии.

Отрезвление у поэта настало после того, как она попала в исторические жернова Большого террора (будучи беременной, потеряла ребёнка в результате пыток, в застенках погиб муж, продолжали томиться в лагерях преданные коммунистической идее подруги), который либо стирал человека в лагерную пыль, либо требовал как единственного условия выживания стирания памяти. Но сменить карту памяти не удавалось.

Обратимся к выдержкам из текста дневника: «Вынули душу, копались в ней вонючими пальцами, плевали в неё, гадили, потом сунули её обратно и говорят: «Живи». ...Ольге повезло, её выпустили и восстановили в партии, но возвращение к прежнему гармоничному мироощущению было уже невозможно. Тем не менее она по-прежнему продолжает цепляться за прекраснодушные мечтания (утопию): «Это не изменило моего отношения к нашим идеям и к нашей родине и партии. По-прежнему, и даже ещё в большей мере, готова я отдавать им все свои силы». В тюрьме продолжают томиться её подруги. Она уже было решается написать письмо Сталину. А вдруг он не знает о творящемся беззаконии? Но вовремя себя одёргивает: «Потому что мысль о том, что я не написала до сих пор Сталину, мучит меня как содеянная подлость, как соучастие в преступлении... Но я знаю — это бесполезно. Я имею массу примеров, когда люди тыкались во все места, и вплоть до Сталина, а «оно» шло само по себе — «идёть, идёть и придёть». В общем, «псих ненормальный, не забывай, что ты в тюрьме».

Но приверженность общей стройной системе, которую она же сама позже назовёт системой фетишей, по-прежнему даёт о себе знать. Ольга внимательно следит за международной обстановкой. Война в Испании, падение Парижа, предчувствие неизбежной войны с германским фашизмом.

«Я с вами, товарищи (это по отношению к сидельцам сталинских тюрем. — Е.Я.), я с вами, я с вами, бойцы интернациональных бригад, томящиеся в концлагерях Франции. Я с вами, все честные и простые люди: вас миллионы, тех, кто честно и прямо любит Родину, с поднятой головой и открытыми устами! Я буду полна вами завтра, послезавтра, всегда, я буду прямой и честной, я буду до гроба верна мечте нашей — великому делу Ленина, как бы трудна она ни была! Уже нет обратного пути. Я с вами, товарищи, я с вами!»

В этом абсолютно искреннем высказывании содержится разгадка парадоксального патриотизма тех немногих людей, кто пережил тюрьмы и лагеря сталинского Большого террора. В основе такого патриотизма — глубинный антифашизм, осознание однопродродности большевизма и нацизма. Обе утопии, казалось бы, такие разные по целям. Большевизм обещает социальный рай, нацизм — национальную идиллию. Но средства достижения обеих химер идентичны — тотальный террор. Люди, испытавшие на коже тотальное насилие в предвоенный период, искренне ненавидели фашизм в любом его изводе. К тому же оставалась пусть слабая,

но надежда на то, что «может быть, этот тяжёлый период пройдёт, там вздохнём, после войны».

Этот искренний, чуждый малейшего оттенка фальши патриотизм и превратил Ольгу Берггольц в музу осаждённого Ленинграда. Она прекрасно осознавала, что «ждать больше нечего от государства», что «власть находится в руках врагов». Но, находясь в двойном кольце осады (между немцами и кровопийцами), она стала подлинной нравственной надеждой и опорой блокадников. И когда в крайней степени дистрофии её вывезли в Москву, она не смогла там существовать: «Я задыхаюсь в том обволакивающем, душном тумане лицемерия и лжи, который царит в нашей жизни, и это-то и называют социализмом!»

Вернувшись в осаждённый Ленинград, продолжив деятельность на радио, она вновь почувствовала себя свободной и необходимой людям.

Работа ума и души по демонтажу утопии неуклонно продолжалась. Так, поэт цитирует ответ одного мальчика, которому она предложила сюжет рассказа, где дети отправляются искать живую воду: «И ничего не вышло; они все передрались, ничего не нашли и вернулись обратно». Вот уж воистину устами младенца глаголет истина. Но поэт продолжает слабо сопротивляться: «Нет, нет; так рано ещё говорить, не надо так думать! Может быть, ещё и выйдет. Может быть, этот тяжёлый период пройдёт, там вздохнём, после войны».

Вновь эта призрачная надежда на послевоенное послабление. Ей не суждено было сбыться ни сразу после войны, ни значительно позже. «Глухонемая эпоха» продолжалась, сводя с ума её тонко чувствующих действующих лиц и исполнителей. Иногда в силу конъюнктурных политических причин власть позволяла пользоваться слуховым аппаратом с кодовым названием «оттепель», но вскоре отбирала его, оставляя творческих совестливых людей наедине с демонами.

Как знать, быть может, непрекращающаяся изнурительная борьба с собственными демонами и есть главный побудительный мотив творчества? Никакие другие фокусы, как то обращение к психотерапевту, к внутреннему успокоению не приводят. Не в первый раз обращается она к психиатру.

«Что же может тут сделать психоневролог? Одурить меня процедурами так, чтобы ложь эта, и гибель идеалов, и ужасный процесс перерождения стал мне безразличен? Но это последняя смерть, и уже настоящая... Лучше мучительное это безвременье, лучше горький этот кризис, буду думать, что кризис, и буду бесстрашно идти на него...» Не спасает и уход в алкоголизм, от которого периодически приходится лечиться.

Выход один, его подсказал А.И. Герцен в предельно откровенных мемуарах «Былое и думы». Его мартиролог и список разочарований в прежних идеалах был ничуть не меньше, нежели потери у Ольги Берггольц. «Кто мог пережить, должен иметь силу помнить». Вот и делала она до последних дней жизни всё, что могла, восстанавливая утерянную память, трагически осознавая недостаточность усилий. Слова Берггольц, высеченные на мемориальной стене Пискаревского кладбища: «никто не забыт и ничто не забыто» — тому доказательство. На этом кладбище поэт завещала себя похоронить. Но власти не позволили. Почему? Ответ находим в её поэтических строках: «Но даже тем, кто всё хотел бы сгладить // В зеркальной робкой памяти людей, // Не дам забыть...»

Людям, испытавшим травматический шок, необходимо изживать полученный синдром во имя сохранения психики, чему помогает так называемая рационализация. Известны два способа рационализации.

Первый — массовый: вытеснение из памяти всего того постыдного, неприятного, рождающего пронзительную душевную

боль. Этот способ всячески поощряется государством, поскольку фиксирует внимание исключительно на героических страницах прошлого, оставляя за кадром травмирующие эпизоды повседневной истории. Второй — эксклюзивный, доступный творческим натурам: прокручивание в памяти всех без изъятия страниц воспоминаний в их нерасторжимом единстве. По этому, второму, пути неуклонно шла до самой смерти О. Берггольц.

Взрослые с той или иной формой рационализации, как правило, справлялись. Это укрепляло их моральный дух. Не то — дети. В их памяти помимо их воли даже в самом нежном возрасте застревали такие бытовые подробности, которые спустя годы и даже десятилетия неизбежно взрывались, приводя к непредсказуемым-предсказуемым последствиям.

Память детства

Детская память устроена по-иному. Неизжитые детские травмы, о которых взрослые даже не подозревают, взрываются через поколения. Оставим специалистам-психотерапевтам их методы анализа и способы излечения таких пациентов. Нас же в первую очередь интересует отражение истории в частной жизни как взрослых, так и детей. Исторические травмы неизбежно переплетаются с личными, поскольку глубоко коренятся в истории повседневности. «Мелкие» бытовые и психологические подробности межличностных отношений близких людей надолго застревают в памяти ребёнка, рождая серьёзные комплексы и, как это ни покажется странным, предопределяя течение истории даже через поколения. Частная жизнь не только отражает большую историю, но и опосредованным образом влияет на её развитие. В чём нам представится возможность убедиться, знакомясь с теми детскими дневниками, которые раньше не были предметом пристального изучения психологов, педагогов и культурологов.

Первый — это мемуары Милы Аниной, опубликованные в 2007 году под названием «Война, блокада, я и другие: мемуары ребёнка войны».

Второй дневник — «Нас время учило» Льва Разумовского, эвакуированного после блокадной зимы вместе с детским домом, издан в 2019 году.

Мила Анина пережила блокаду в шестилетнем возрасте, а дневник начала писать подростком в эвакуации. Застрявшие в детском сознании детали и подробности блокадной повседневности явственно проступают и многократно усиливаются в условиях послевоенного существования подростка. Обнаружив дневник дочери, отец-фронтовик впадает в бешенство: «Ну вот — мои «мемуары» попали в руки отца... нашёл! Боже, что было!

Остервенелость! <...> Рвал, топтал ногами и кричал: «Дура! Дрянь! <...> Столыпинское отродье! Ты что, хочешь, чтобы нас всех из-за тебя посадили?!» Стояла столбом и с жалостью смотрела, как разлетаются по комнате листы и обрывки записей детских воспоминаний недетских событий, как топчут мою боль, мою военную блокадную память, и цепенела от бессилия и обиды...»

Налицо подростковая попытка рационализации пережитого опыта. Отцу-фронтовику, кстати сказать, не пережившему блокаду, было чего опасаться, коль скоро дочкины мемуары попали бы куда следует.

Военные страдания Милы Аниной начались ещё до блокады. Оказавшись среди воспитанников детских садов, которых спешно эвакуировали из Ленинграда, девочка стала свидетелем Лычковской трагедии 18 июля 1941 года, когда эшелон с ленинградскими детьми, по ошибке отправленный в сторону фронта, был уничтожен немецкой авиацией. Описывая спустя десять лет в мемуарах себя и маленьких сверстников, раздетых, голодных, орущих «от ужаса и изнеможения» посреди разбросанных детских вещей и разорванных детских тел, 16-летняя Мила Анина пытается преодолеть отсутствие языка о блокадной травме в поздние сталинские годы.

Воспоминания о головотяпстве властей могли стоить жизни всей семье.

Вторая линия опасных мемуарных зарисовок касалась чувства попранной справедливости. Жестокость сверстников, не знавших голода, заставляет Анину проводить черту между теми, кто «знал голод», и теми, кто «не знал», среди одноклассников. В классе её прозвали дохлячкой. Мила вспоминает, как физически больно ей было просто сидеть на уроках: «Подушка — это вовсе не подушка в полном смысле этого слова. Это была маленькая стёганая подушечка под тощую мою попу... Такие подушечки носили с собой многие из детей, кто пережил блокадный голод». В свою очередь «дети, не знавшие голода», издевались над детьми-блокадниками, отбирали эти подушечки и кидали их по классу. Откуда в блокадном Ленинграде дети, не знавшие голода? Анина училась, как бы мы сегодня сказали, в элитной школе, куда её устроила интеллигентная мама. Там же учились дети начальства. Не зря пословица гласит: «Сытый голодному не товарищ». Формула Оруэлла «все животные равны, но некоторые животные равнее других» действовала в СССР не только в предвоенный период, но и в осаждённом Ленинграде. Перед глазами девочки вставала картина, в которой одни люди умирали от голода, «ели покойников», а другие — «мародёры» и «спекулянты» — ели деликатесы и шиковали в ресторанах. Да-да, в осаждённом городе работали рестораны, куда вхожи были некоторые из сверстников Милы. Такое невозможно изгладить из памяти.

Социальные контрасты в осаждённом городе действительно были вопиющими, о чём читаем в дневнике Льва Разумовского «Нас время учило». Однажды он стал невольным свидетелем того, как начальственные отпрыски избивали во дворе школы дохляка, вымогая у него деньги. Но куда тратить деньги в осаждённом городе при жесточайшей карточной системе? Оказывается, было куда!

«Напряжённая тишина взрывается грохотом распахнутой двери. В класс вваливается с хохотом группа ребят во главе с Авкой Спиридоновым. <...>

— Хочешь полкаши?
— Хочу, а ты почему не хочешь?
— Да наелся утром картошки. Каша не лезет.

Не веря ушам, я не выдерживаю и задаю нелепый вопрос:

— Картошка? Откуда?
— Батя привёз, — небрежно бросает Авка. — Так возьмёшь полкаши?
— Конечно, возьму. Спасибо тебе большое.
— За кисель.
— Я думаю мгновение — жаль киселя, но каша нажористей.
— Давай.

Авка в два глотка выпивает мой кисель и ловко, легко выпрыгивает из-за стола».

Подросток вспоминает, что Авкины друзья верховодили в школе, играли в карты, носились по коридору, сбивая с ног движущихся дистрофиков, издевались над слабыми, выменивая за хлеб и каши нужные им вещи. Главой этой группы был Финогенов, сын директора магазина. Авка всегда заискивал перед ним. Круглолицый Антонов — сын какого-то исполкомовца.

— Деньги будешь отдавать? — спросил Финогенов.

В ответ что-то нечленораздельное. Хлесть! — кулаком по скуле. Парень пошатнулся. Хлесть, хлесть, работают кулаки Поддубного. Несчастный парень стал падать, но ему не дали, навалились всей кучей и молотили кулаками, коленями, ногами.

Сволочи... Гады... Сытые, здоровые, сильные... Дистрофика...»

Другая преступная группировка — это банда Королёва из элитной же 206-й школы. С июня по октябрь 1944 года терроризировала весь центр города. Кличка лидера — Король Невского проспекта. Банда занималась грабежами, попойками. До поры им всё сходило с рук, но после группового изнасилования девушки (бойца ПВО) они были задержаны. При аресте Королёв оказал вооружённое сопротивление. Королёву светила высшая мера наказания. Военный трибунал приговорил его к расстрелу. Приговор окончательный и обжалованию не подлежит. Но его отец — генерал-полковник авиации, мать — крупный работник горкома ВКП(б). «Некоторые животные равнее других животных». «Вышка» была заменена тюремным сроком, а после войны он вышел из тюрьмы. Не лишним будет добавить, что в это же время в той же 206-й школе с 1944 года учился Сергей Довлатов.

Лев Разумовский юношей уйдёт на фронт, где потеряет руку, вопреки увечью, станет замечательным скульптором. Но его постоянно будут мучить воспоминания о мальчиках-мажорах военной поры. Подобно О. Берггольц, он должен был рационализировать пережитый опыт.

Но была и третья плоскость блокадного опыта, которую ни при какой погоде не принял бы фронтовик — отец Милы. Это линия семейных «междоусобиц».

Глядя на отца и его сослуживцев, после войны находящихся в состоянии постоянного запоя и «непристойных» офицерских застолий, Мила чутко замечает, что эти люди продолжают воевать до сих пор: «А они все воюют. Сто наркомовских грамм — и в бой! Сто грамм — и в бой! А против кого? Да против нас, кто слабее и не может дать отпор». На одной из таких пирушек, когда Мила в ответ на требования пьяных офицеров пересказать им работу Сталина «Вопросы языковедения» (есть работа «Марксизм и вопросы языкознания») отказалась это делать, сослуживцы её отца стали оскорблять девочку и её мать, проводя глубокое различие между теми, кто «нюхал порох», и теми, кто «не нюхал»: «И тогда они вспомнили, что они за нас, тыловых крыс, кровь проливали... в окопах мерзли, друзей теряли, Родину защищали, народ спасали.

<...> Нас стали сравнивать с фронтовыми бабами, что они настоящие бабы, а мы «ни рыба ни мясо». <...> Ах, они погибали? А в Ленинграде дохли не только от бомбёжек и обстрелов, но и от непомерного голода. И это называется — мы не нюхали пороха? <...> Он [отец] <...> господам офицерам позволяет унижать нас. Вот и живу я затюканная, с постоянным чувством униженности и неопределённой вины. Вот только в чём она, моя вина?»

Неизжитое чувство вины

Постоянное чувство вины и душевной боли окрашивало мрачными багровыми тонами долгие десятилетия существования советского, а затем и постсоветского человека. Он постоянно чувствовал себя в долгу у государства, виновным перед ним. Такому мироощущению способствовало многое: неизбывная историческая память, небрежно и невнятно сформулированные законы и нормативные акты. Они составлены таким образом, что противоречат один другому. И как бы человек ни крутился, он неизбежно нарушит один из них, подпадая под карающую длань Фемиды.

Но управление виноватыми чертовски удобная вещь. Будучи постоянно на крючке у государства, человек вынужден покорно выполнять все его установления, даже если они очевидно лежат вне морали.

Результат такого длящегося десятилетиями аномального существования — оцепенение. Возможно, что прежде всего именно с этим чувством связана низкая гражданская активность наших людей. Но могло ли быть иначе, коль скоро тоталитарный пресс в его различных изводах давил на человека без малого 100 лет? От военного коммунизма периода Гражданской войны до современной суверенной демократии.

Для сравнения: в Германии тоталитарная соковыжималка интенсивно работала всего 12 лет, с 1933 по 1945 год.

Но неужели все моральные основания бытия человека таким образом были сведены к нулю? Нет и ещё раз нет! Ростки человечности пробивались и сквозь железобетонные государственные плиты. «Ленинградскую поэму» О. Берггольц покупали в городе за 300 граммов хлеба!

В чём суть воспитания?

Перейдём к главной теме, заявленной в заглавии этой статьи.

Суть воспитания в восстановлении его духовного тела. Без этого все психологические и педагогические ухищрения (технологии) теряют всякий смысл.

Надо признать, что существуют две очевидные линии воспитания. Одна — направленная на очеловечивание, а другая, в какие бы ризы она ни рядилась, — на расчеловечивание. Другой воспитательной оптики не существует. Центральный вопрос, решение которого ищет педагог: как сделать так, чтобы новые входящие в жизнь поколения не потеряли человеческий образ?

Отсюда миссия педагога-интеллигента в широком смысле слова. Её сформулировал А.И. Герцен с его исключительным историческим чутьём в «Былом и думах»: «Нами человечество протрезвляется. Мы его похмелье».

Для опоенного тоталитарной сивухой человечества похмелье не самый приятный и безболезненный процесс. Поэтому нужно быть постоянно готовым к эксцессам, чреватым срывами в ту же пропасть, но устланную новейшими полимерными материалами.

Герценовская модель истории сегодня актуальна, как никогда прежде. Он ясно видит и осознаёт отражение большой истории в частной повседневной жизни людей, где эта большая история давит и кромсает человеческую личность.

Но Александр Иванович также фиксирует обратное влияние поведения людей на дальнейший ход исторического процесса. Личное получает у него историческое значение. Разве мальчики-мажоры военного времени не предтечи отморозков девяностых, внуков и правнуков тех военных начальников, детей вовремя приватизировавшей госсобственность номенклатуры? Поэтому Питер и оказался в девяностые криминальной столицей России.

Цели воспитания

В исторической модели Герцена ясно просматриваются цели воспитания.

Строго говоря, суть и цели воспитания нерасторжимо связаны: цели определяют содержание воспитания, его содержание, в свою очередь, влияет на продвижение в заданном направлении.

На мой взгляд, содержание воспитания состоит в восстановлении его духовного тела. Иными словами, всего того, что в культуре — неисчерпаемый запас прочности, позволяющим людям сохранять человеческий облик, вопреки любым, даже самым людоедским, обстоятельствам.

На становление мировоззрения ребёнка и подростка оказывается бесчисленное количество воздействий. Среди них — воздействие государства с его идеологией, семьи, педагогов, сверстников с их пристрастиями к той или иной молодёжной субкультуре. Не будем игнорировать влияние СМИ и Интернета. При этом забывается, что ребёнок не пассивный объект восприятия, не tabula rasa — чистая доска, на которой можно начертать любые письмена с заведомо гарантированным результатом воспитания. Он активный субъект педагогического процесса.

Отсюда следует, что подлинное воспитание — только самовоспитание и саморазвитие ребёнка. Что совершенно не исключает стремления педагога оказывать на него благотворное воздействие.

Но в жёсткой конкуренции воздействий побеждает лишь тот, кто сумел достучаться до ума и сердца молодого человека. Тогда и происходит то, что психологи называют интериоризацией, переходом извне внутрь. Иными словами, задача учителя — добиться формирования внутренних структур человеческой психики посредством усвоения внешнего социального и культурного опыта. Коль скоро у ребёнка появилась внутренняя мотивация, он уже не сойдёт с избранного по воле пути.

И, наконец, последнее и, на мой взгляд, самое главное — это выбор стратегии воспитания. Сегодня, как ещё в древности заметил поэт: «Каждый мнит себя стратегом, видя бой со стороны» (Шота Руставели). Поэтому нет недостатков в авторах стратегий воспитания.

Но ответим для себя на простой вопрос: во имя чего разрабатываются, принимаются и прокламируются разнообразные стратегии воспитания? (Одна из них, Министерства просвещения, уже получила путёвку в жизнь, ибо заявлена в качестве утверждённой.) Ответ очевиден — во имя проектирования будущего. Отсюда ясно, что магистральная линия воспитания имеет целью проектирование будущего. Но такое проектирование будет эффективным, коль скоро оно будет произведено не на базе абстрактного, оторванного от исторической почвы умствования, а с учётом культурно-исторического опыта.

Реализация этой стратегии должна происходить посредством постепенного выращивания людей, обладающих моральным зрением и способных к созидательной практической деятельности. **НО**

A Clawed Beast, Scratching At The Heart, Conscience... On The Essence, Goals And Objectives Of Education

Evgeny A. Yamburg, doctor of pedagogical Sciences, academician of RAO, Moscow

Abstract: *Searching for the goals and objectives of education. Historical memory and the past. Childhood traumas and historical traumas in the formation of a person. Humanization and dehumanization. Effects on the personality. The content of education and human appearance. Designing the future, moral vision and creative activity.*

Keywords: *human development, impersonal education, children's memory, culture, self-education, education strategy.*